

ХОСЕ ОРТЕГА-И-ГАССЕТ

РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ДОН КИХОТЕ

ПЕРЕВОД

Бориса Дубина
Александра Матвеева

Хосе Ортега-и-Гассет

Размышления о Дон Кихоте

«Издательство Грюндриссе»

1914

Ортега-и-Гассет Х.

Размышления о Дон Кихоте / Х. Ортега-и-Гассет —
«Издательство Грюндриссе», 1914

ISBN 978-5-904099-21-3

«...Посмотрим правде в глаза: «Дон Кихот» – нечто двусмысленное. Все дифирамбы, пропетые в его честь, – не что иное, как мыльные пузыри. «Знатоки» «Дон Кихота» и так называемые «специалисты по Сервантесу» так и не смогли проникнуть в глубоко двусмысленную природу этого великого сочинения. А может быть, «Дон Кихот» только шутка? Тогда над чем же посмеялся Сервантес? В забытой Богом, бескрайней и безлюдной Ла Манче долговязая фигура Дон Кихота напоминает некий вопросительный знак, который и присно, и ныне, и во веки веков будет хранить тайну нашей Испании – тайну нашей исконной двусмысленности. Так над чем же смеялся несчастный сборщик налогов, к тому же заключённый в тюрьму? Да и вообще, что означает любая шутка? Неужто во всякой насмешке есть только негативная установка? Ясно одно: я ещё не встречал книги, которая содержала бы в себе такое количество символизма, знаменующего смысл человеческой жизни. И наоборот, мне не попадалось ни одного сочинения, которое бы заключало в себе столь мало ключей, пригодных для его истолкования.

...Тревога, которую первыми почувствовали трепетные греки и которая затем распространилась среди народов Европы, обернулась стремлением создать что-то надёжное. Культура – есть уверенность в противовес сомнению, защита от ударов судьбы. Культура – не вся жизнь, а лишь момент надёжности, ясности, уверенности. Вот почему открытое эллинами понятие стало действенным инструментом – не подменяющим собой жизненную спонтанность, а наоборот, её укрепляющим. Ничто не требует такого героизма – иначе говоря, решимости духа – как верность отдельным подробностям жизни. Нужно, чтобы возможность героического поступка скрыто жила во всём, и чтобы каждый, кто, не зная уныния, мотыжит землю в своём саду, надеялся: вот сейчас из неё ударит родник. Для Моисея любая скала водоносна. Иными словами, любовь – это всегда расширение личности,

которая вбирает в себя внешнее, смешивается с ним. Эта взаимосвязь, взаимопереплетение заставляют тебя проникать в самые глубины любимого существа. Его ощущаешь целиком, и потому любимый раскрывается перед тобой во всей полноте значимости. И тогда начинаешь понимать, что само любимое – тоже лишь часть другого, без которого не может и с которым накрепко связано. Незаменимое для твоей любви становится незаменимым и для тебя. Тем самым любовь связывает одно с другим и всё на свете – с тобой, и мир предстаёт теперь прочным и нерушимым целым...» В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

ISBN 978-5-904099-21-3

© Ортега-и-Гассет Х., 1914

© Издательство Грюндриссе, 1914

Содержание

Предисловие	7
Читатель...	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Хосе Ортега-и-Гассет

Размышления о Дон Кихоте

© Борис Дубин, наследники, перевод, 2013

© Александр Матвеев, наследники, перевод, 1991

© ООО «Издательство Грюндриссе», 2016

* * *

Предисловие

Книга Ортеги вышла из печати 21 июля 1914 года, через четыре месяца после его нашумевшей публичной лекции «Политика старая и новая» в известном мадридском Театре Комедии и за неделю до охватившей весь мир небывалой войны. Ее события на годы отодвинули знакомство с дебютной книгой тридцатилетнего профессора метафизики (издана Студенческой резиденцией университета Мадрида), ставшего практически первым мыслителем Испании Нового времени, чьи идеи вышли за пределы академической среды и который включил испанскую мысль в европейский контекст, вместе с тем внеся в саму Испанию проблемы и идеи философов Европы, прежде всего Германии, где он учился, среди других, у марбургских неокантианцев Германа Когена и Пауля Наторпа. Однако «Размышления о Дон Кихоте», на которые в 1915 году отозвался сочувственной заметкой Антонио Мачадо, ещё долго и после завершения Первой мировой не получали значительного отклика и признания.

Фактически «Размышления» заново открыл для страны и для мира в целом ученик Ортеги Хулиан Мариас (1914–2005), родившийся в году их публикации и сам на несколько десятилетий оказавшийся потом под запретом во франкистской Испании. В 1957 году, через полтора года после смерти Ортеги, Мариас опубликовал в университете Пуэрто-Рико его первую книгу со своим обширнейшим философским комментарием, который стал классическим и который целиком перевели на португальский, а частями – на английский и итальянский языки. В 1966-м «Размышления» в этом образцово откомментированном виде, наконец издали в Испании, в 1984-м последовало переиздание, за ним ещё несколько, в 2010-м году было напечатано восьмое. Кроме того, Мариас посвятил первому труду учителя отдельное место в своих фундаментальных монографиях «Ортега. Обстоятельства и призвание» (1960, англ. пер. – 1970), «Ортега. Траектории» (1983) и «Об Ортеге» (1991). Сегодня труд Ортеги переведён на все так или иначе уважающие себя языки мира.

Для Ортеги первая изданная им книга входила в задуманный большой цикл аналогичных «размышлений». Всего их намечалось десять, три при этом посвящались Сервантесу. Из уже готовившихся тогда к печати вышло два (о Барохе и Асорине, Ортега ссылается на них в своей книге), из «сервантесовских» – одно, оставшееся первым и последним. Это был «Краткий трактат о романе», сопровождавшийся обращением к читателю и «Предварительным размышлением». В предисловии к изданию труда в 1984 году Мариас писал: «“Размышления о Дон Кихоте” – не просто одна из книг Ортеги. Она – отправной пункт всей его дальнейшей работы, где автор нашёл себя, впервые очертил границы собственной философии и стал обосновывать в ней, чтобы двигаться дальше. Без оценки этой книги во всей её глубине понимание сделанного Ортегой будет половинчатым, лишённым первоосновы, больше того – останется в стороне от его исходных побуждений, новорождённого призвания, драматизма завязывающейся мысли»¹.

Сегодня можно сказать (и Мариас об этом пишет), что Ортега *in puse*² дал в своей книге набросок всего философского проекта, который развивал потом в круто менявшихся исторических и географических обстоятельствах на протяжении четырёх десятилетий, и каких! Отмечу, по неизбежности бегло, несколько его основных линий, новых и во многом неожиданных для тогдашней испанской мысли. Прежде всего это философская антропология (знаменитое теперь «Я – это я, плюс мои обстоятельства»), складывавшаяся у Ортеги в полемике с Декартом и Кантом; добавлю, что полемическая – диалогическая – природа присуща мышлению и письму Ортеги в целом, так что обращение «Читатель...» в начале книги и философ-

¹ *Ortega y Gasset J. Meditaciones de Quijote / Ed. de Julián Marías. Madrid: Catedra, 1995. P. 10.*

² Вкратце, в сжатом виде (*нем.*).

ского пути – не случайность, а устойчивая форма, формула. Это, далее, феноменологическая теория познания (концепция познавательной перспективы и планов восприятия, с критикой раннего Гуссерля). Это философия истории и, конечно, в первую очередь испанской истории (в центре книги – вопрос всего поколения 1898 года «Что же такое Испания?», ответы на него современники Ортеги, включая Рамиро де Маэсту, которому книга была посвящена³, дали разные). Наконец, это философия культуры, искусства, техники, которые трактуются в рамках ортегианского рациовитализма, критического по отношению к «чистому» рационализму, в частности, учителя Ортеги Когена. Так что от этой небольшой, в 190 страниц, книжки молодого преподавателя и журналиста тянутся силовые линии, пронизывающие все десять томов новейшего полного собрания его сочинений, которое вышло в Мадриде в 2004–2010 годах. И замковым камнем всего этого гигантского «свода» выступает образ Дон Кихота и роман о нём – главная книга не только уже упомянутого поколения (о Дон Кихоте не один раз писали Унамуно, Асорин, Антонио Мачадо), но всей испанской культуры.

Настоящее издание приурочено к столетию книги Ортеги-и-Гассета. В основе публикации – плоды деятельности многолетнего переводчика Ортеги, пионера этих «малоперспективных» занятий в позднесоветские годы, российского испаниста Александра Борисовича Матвеева (1956–1993). Эти переводы Матвеева печатались в разных изданиях девяностых годов. Я присоединил к ним свои переводы нескольких главок, которые мой младший друг и коллега не успел перевести. В таком виде наша общая работа публикуется впервые.

Октябрь 2013 г. Борис Дубин

* * *

*Рамиро де Маэсту,
с выражением братства*

³ Рамиро де Маэсту (1875–1936) – испанский писатель и публицист, либерал, с конца 1910-х гг. склонившийся к католическому традиционализму и монархизму. Ортега ценил его раннюю книгу «К другой Испании» (1899), но после второго издания «Размышлений» (1921) снял данное посвящение.

Читатель...

Предлагаемые «Размышления» – первая книга в ряду очерков самого разного свойства, но вполне определённого смысла, которые преподаватель философии *in partibus infidelium*⁴ решил довести до сведения публики. В некоторых томах – скажем, в этих «Размышлениях о Дон Кихоте» – речь пойдёт о проблемах серьёзных и важных, в других – о материях куда более простых и привычных. Как бы там ни было, все они без исключения касаются наших национальных обстоятельств. Для самого автора его очерки – как и деятельность преподавателя, журналиста, политика – это разные попытки исполнить своё жизненное предназначение, дать выход одной страсти. Я вовсе не рассчитываю, что кто-нибудь признает эту деятельность самой важной на свете, но для меня она имеет смысл, поскольку ни на что другое я попросту не гожусь. Страсть, подвигнувшая меня на этот труд, – самое горячее из чувств, которые я за всю мою жизнь испытывал. Пользуясь словами Спинозы, я бы дал ей имя *amor intellectualis*⁵. Итак, читатель, перед тобой плоды интеллектуальной любви.

Возможно, читатели не найдут в них ничего нового. Вместе с тем это не сборники афоризмов. Вслед за одним гуманистом XVII века я бы назвал их жанр «просветлением». Цель автора здесь в следующем: каждое конкретное явление – будь то человек, книга, полотно живописца, картина природы, людское заблуждение или боль – наикратчайшим путём довести до его смыслового предела. Всё, что вековечный прибой жизни швыряет к нашим ногам никчёмными обломками кораблекрушения, расположить так, чтобы солнце высветило в нём бесчисленные грани.

Во всякой вещи скрыт знак её возможного предела. И прямая, благородная душа хочет помочь вещам обрести это совершенство, достигнуть их собственной полноты. Это и есть любовь – любовь к совершенству любимого.

На полотнах Рембрандта самый скромный угол белой или серой стены, самая грубая домашняя утварь всегда окутаны светящейся, лучистой дымкой, которую иные живописцы берегают лишь для голов святых. Мы как будто слышим тихие слова оглашения: «Благословен обиход мира! Любите, любите вещи! Каждая из них – волшебница, таящая под убожеством и нищетой подлинные сокровища, и невеста, ждущая любви, чтобы понести плод».

«Просветление» не равнозначно ни хвале, ни лести и не исключает острой критики. Важно, чтобы тема напрямую затрагивала простейшие движения духа, всегдашние предметы человеческих забот. Тогда всё, что с ними сплетено, переживает преобразование, перерождается, светлеет.

⁴ В краю варваров (*лат.*).

⁵ Интеллектуальная любовь к Богу (*лат.*) – Спиноза. Этика. V, XXXII–XXXVI.

Рембрандт Харменс ван Рейн. Читающий философ. 1631

А это значит, что в духовной глубине этих очерков, под каменистой и зачастую грубой почвой, со скраденным, слабым, словно боящимся оглушить гулом тайно струится исповедание любви.

Дом испанской души, подозреваю, уже давно и неведомо почему охвачен ненавистью, уснащён пушками и грозит миру войной. Ненависть – из тех страстей, которые сводят ценности на нет. Когда мы что-то ненавидим, между ним и нами – словно чудовищная стальная пружина, не дающая ненавидимому предмету и на секунду проникнуть в наш дух. От всего предмета остаётся лишь точка, куда упирается пружина нашей ненависти, а обо всём прочем мы либо не

ведаем, либо забыли, как о чужом. И каждую секунду – предметом меньше: вот ещё один исчез, потерял для нас ценность. Поэтому мир и становится для испанца всё неласковее, черствее, глуше, пустынной. А наши души кружат по жизни с досадливой гримасой, подозрительные и бесприютные, как сорвавшиеся с цепи, оголодавшие псы. В символической книге испанской истории всюду найдётся место для нескольких страшных страниц, где Матео Алеман⁶ опять нарисует аллегория своего Недовольного.

Напротив, любовь, пускай ненадолго, привязывает к вещам. Пусть читатель спросит себя, что нового проявляется в вещах, когда их окружают любовью? Что чувствуешь, когда любишь женщину, когда любишь знание, когда любишь родину? Первый ответ: незаменимость. Говоря одним словом, любовь – это незаменимость. Незаменимое! То, без чего не можешь жить, не можешь даже представить себе жизнь, где ты есть, а любимого или любимой нет! То, что стало частью тебя самого! Иными словами, любовь – это всегда расширение личности, которая вбирает в себя внешнее, смешивается с ним. Эта взаимосвязь, взаимопереплетение заставляют тебя проникать в самые глубины любимого существа. Его ощущаешь целиком, и потому любимый раскрывается перед тобой во всей полноте значимости. И тогда начинаешь понимать, что само любимое – тоже лишь часть другого, без которого не может и с которым накрепко связано. Незаменимое для твоей любви становится незаменимым и для тебя. Тем самым любовь связывает одно с другим и всё на свете – с тобой, и мир предстаёт теперь прочным и нерушимым целым. Любовь, – учил Платон, – это божественный зодчий, задающий миру цель, «так что всё в мироздании существует во всеобщей связи»⁷.

Утрата связи неизбежно ведёт к разрушению. Ненависть, которая рвёт любые связи, члены и кроша целое, делит мир на атомы и распыляет личность. В халдейской мифе об Издубаре-Нимвроде отвергнутая им богиня Иштар, наполовину Гера, наполовину Афродита, в порыве ненависти грозит богу неба Ану разрушить мир, чтобы хоть на миг упразднить законы любви, соединяющей всё живое, – ни больше ни меньше как поставить фермату в симфонии всемирного эроса.

Мы, испанцы, уже давно живём, заковав сердца в броню злобы, так что окружающий мир, ударяясь об эту жестокую преграду, снова и снова отступает вспять. Столетиями вокруг нас продолжается безостановочный и нарастающий распад ценностей.

Мы могли бы повторить о себе слова, которые один сатирический поэт XVII века сказал о Муртоле, авторе поэмы *Della creatione del mondo*⁸:

Il creator di nulla fece il tutto,
Costui del tutto un nulla, e in conclusione,
L'un fece il mondo e l'altro l'ha distrutto⁹.

Цель этих очерков – в том, чтобы мои молодые читатели (к ним одним я могу, не впадая в нескромность, обратиться лично) изгнали из сердец привычки ненависти и от души пожелали, чтобы в мире опять воцарилась любовь.

Для этого у меня есть лишь одно средство: без прикрас представить им человека, охваченного живейшей страстью понять существующее. Из всех разновидностей любви я могу надеяться внушить окружающим только эту свою страсть – страсть к пониманию. И буду знать,

⁶ Матео Алеман (1547–1614) – испанский писатель; отсылка к его плутовскому нравоописательному роману «Жизнеописание Гусмана де Альфараче, наблюдателя жизни человеческой».

⁷ Платон. Пир. 202 е.

⁸ О сотворении мира (*итал.*). Гаспаре Муртола (ок.1570–1624) – итальянский поэт и прозаик, его поэма была опубликована в 1608 г.

⁹ Ничто во всё Творец преобразает, // А этот всё преобразил в ничто; // Один творил – другой лишь разрушает (*итал.*). – Стихи принадлежат Джамбаттисто Марино (1569–1625), остро полемизировавшему с Муртолой.

что мои надежды исполнились, если смогу хотя бы в самом малейшем уголке испанской души открыть новые грани духовной восприимчивости. Если нас что-то не интересует, это значит, оно не находит в нашем существе подходящих граней для преломления, и нужно без устали гранить свой дух, умножать его разносторонность, чтобы его могли по-настоящему затрагивать самые разные темы.

В одном из диалогов Платона эта тяга к пониманию зовётся *erotikhé manía*, «любовным безумием»¹⁰. И хотя желание понять не составляет ни первородную форму, ни изначальное проявление, ни венец любви, оно, по-моему, принадлежит к её непременным симптомам. Я не верю в любовь человека к другу или к своему знамени, если не вижу в нём усилия понять врага или знамя противника. А нам, испанцам, я заметил, гораздо легче зажечься той или иной моральной догмой, чем открыть сердца исканию истины. И мы тем охотней подчиняем свою волю жёстким требованиям морали, что у нас всегда наготове расхожая оценка, которую при необходимости можно ведь изменить или подправить. Я бы сказал, испанец хватается за моральный императив как за подручный инструмент, с помощью которого он упрощает жизнь, отсекая от неё целые области существования. Не зря острый взгляд Ницше давно увидел в иных моральных поступках форму и плод мстительного чувства.

То, что из всего этого следует, не может вызывать симпатию. За мстительным чувством всегда лежит сознание собственной униженности. Это воображаемое торжество над тем, кого нам не под силу победить на деле. В фантазии мы придаём объекту нашей мести мертвенную видимость трупа, мысленно убиваем, уничтожаем его. И потом, встречая его в реальности невредимым и безмятежным, видим в нём непокорного, недоступного для наших усилий мертвеца, само существование которого – олицетворённая издёвка над нами, воплощённое презрение к нашей ничтожной судьбе.

Наиболее утончённая разновидность такой преждевременной смерти, на которую мститель обрекает своего врага, состоит в том, чтобы проникнуться некой моральной догмой и, в опьянении собственными мнимыми доблестями, уверить себя, будто у твоего противника нет ни проблеска разума, ни малейших прав. Известно и символично то сражение против германского племени маркоманнов, когда император Марк Аврелий пустил впереди своих войск цирковых львов. Маркоманны в ужасе отступили. Но их вождь, подняв голос, воскликнул: «Не бойтесь! Это же римские собаки!» Преодолев страх, германцы бросились в атаку и победили. Любовь тоже ищет сражений и не растёт в туманной тени компромиссов, но она видит во львах львов, а собаками называет собак.

Сражение с врагом, которого понимаешь, – вот в чём состоит подлинная терпимость, черта любой сильной души. Почему среди испанцев она встречается так нечасто? Хосе де Кампос¹¹, один из мыслителей XVIII века, чью интереснейшую книгу мне открыл Асорин, в своё время писал: «Дар снисхождения – редкость среди бедных народов». И среди народов слабых, добавлю я от себя.

Надеюсь, никто из читающих эти строки не заподозрит меня в равнодушии к моральным идеалам. Я не пожертвую моралью, лишь бы свободнее предаваться игре ума. Всевозможным имморалистским учениям, которые пока что до меня доходили, недостаёт здравого смысла. Я же, признаюсь, отдаю свои силы одному: попыткам обрести хоть толику здравого смысла.

Но именно из уважения к моральному идеалу важно давать отпор его главному врагу – извращённой морали. Такова, по-моему, – и здесь я не одинок – утилитаристская мораль,

¹⁰ Платон. Федр. 265 в.

¹¹ Имеется в виду испанский философ и писатель Рамон Кампос Перес (1755/1760-1808), цитируется его книга «О личном неравенстве в гражданском обществе» (опубл. 1823). Асорин (наст. имя Хосе Мартинес Руис, 1873–1967) – испанский писатель, литературный критик, эссеист, одна из влиятельнейших фигур своего поколения (т. н. «поколения 1898 года», куда входили Унамуно, Валье-Инклан, Бласко Ибаньес, Пио Бароха, Антонио Мачадо, Хуан Рамон Хименес и др.).

мораль пользы. Сколько ни ужесточай предписания, полезный порок не обелить до моральной добродетели. Осторожнее с жёсткостью – старой прислужницей лицемерия. Видеть родовые черты добра в жёсткости неверно, бесчеловечно и аморально. В конце концов, мораль действительно полезна – только не там, где приспособливающийся человек ищет в ней единственную пользу: удобство и необременительность существования.

Самые высокие умы поколение за поколением и век за веком отдавали силы тому, чтобы довести наш этический идеал до чистоты, делая его всё более тонким и сложным, всё более прозрачным и глубоким. Благодаря им мы больше не путаем добро с чисто внешним исполнением раз и навсегда усвоенных норм закона. Напротив, мораль для нас воплощает тот, кто перед каждым своим шагом пытается сызнова укрепить в душе непосредственную, личную связь с моральной ценностью. И если мы руководствуемся лишь опосредованными предписаниями тех или иных догм, то наши поступки не имеют ничего общего с благом, тонким и неуловимым, как потаённый аромат. Оно входит в нас напрямую, как живое предчувствие и не тускнеющая новизна совершенства. Поэтому неморальной будет любая мораль, если она, наряду с другими обязанностями, не предписывает первейшего и главного: мы должны быть ежесекундно готовы к преобразованию, совершенствованию, возвышению морального идеала. Любая этика, обрекающая нашу свободную волю на вечное заточение в замкнутой системе оценок, есть *ipso facto*¹² этика извращённая. Как в гражданских кодексах, именуемых «открытыми», в ней должно присутствовать начало, побуждающее постоянно расширять и обогащать наш моральный опыт. Благо – как природа: это беспредельная ширь, в которую человек углубляется, разрабатывая её век за веком. В высоком сознании подобного долга Флобер однажды написал: «Идеал плодоносен, – он имел в виду моральные плоды, – только если вбирает в себя всё. Это труд любви, неприязнь ему противопоказана».

Поэтому понимание для меня – не противоположность морали. Извращённой морали противостоит всеохватывающая мораль, для которой понимание – прямой и первейший долг. Благодаря ей бесконечно ширится круг наших сердечных привязанностей, а стало быть, и наша способность быть справедливыми. Стремление понять – концентрированный акт веры. Если говорить о себе, то я, должен признаться, каждое утро, открыв глаза, произношу краткую древнюю молитву, одну строку «Ригведы», которая состоит вот из таких крылатых слов: «Господь! Пробуди нас в радости и дай нам силы понять мир». И только после подобной подготовки погружаюсь в светлые или мрачные часы наступившего дня.

Но, может быть, это требование понять – слишком тяжёлое бремя для человека? Разве это не самое меньшее, чего от нас вправе ждать каждый, – понимания? И кто из нас, не лукавя перед собой, утешится тем, что сделал большее, а пренебрёг меньшим?

В этом смысле философия для меня есть общая наука любви: в мире интеллекта она воплощает высший порыв к всеобъемлющему слиянию. А потому понимание в ней никогда не смешивается с простым знанием. Сколько всего мы знаем, не понимая! Всё фактологическое знание, строго говоря, внеположно пониманию, и оправдать его можно, только введя в рамки теории.

Философия – полная противоположность учёности, эрудиции. Последнюю я вовсе не презираю, учёные познания были, как известно, разновидностью науки, но в своё время. В эпоху Юста Липсия, Юэ, Казобона¹³ филолог не располагал надёжными средствами, чтобы под лавиной исторических фактов разглядеть сквозное единство смысла. Познание не могло

¹² В силу самого факта; тем самым (*лат.*).

¹³ Юст Липсий (1547–1606) – нидерландский гуманист, издатель латинских классиков; Пьер Даниэль Юэ (1630–1721) – французский филолог и церковный деятель; Исаак де Казобон (1559–1614) – швейцарский филолог.

быть прямым познанием единства, скрытого за явлениями. И другого выхода, кроме случайной отсылки ко всему возможному многообразию учёности, хранящейся в памяти индивида, тогда не существовало. Придав учёности хотя бы внешнее единство – теперь его называют «всякой всячиной», – можно было надеяться, что одни сведения невольно свяжутся с другими, откуда и прольётся некий свет. Вот это единство фактов – не самих по себе, а в сознании субъекта – и есть эрудиция. Возвращаться к ней сегодня значит отбросить филологию назад, всё равно что вернуть химию ко временам алхимии, а медицину – к векам магии. Мало-помалу простые эрудиты стали встречаться всё реже, и недалёк час, когда последние мандарины исчезнут у нас на глазах.

Поэтому эрудиция есть центробежная составляющая науки, она ограничивается накоплением фактов, тогда как философия – её центростремительная составляющая, чистый синтез. При накоплении факты попросту собраны, и каждый в этой гряде утверждает свою независимость, свою самостоятельность. При синтезе же факты, напротив, исчезают, как хорошо усвоенная пища, остаётся лишь их изначальная жизненная мощь.

Венец устремлений философии – выразить в едином суждении всю истину. Так тысяча двести страниц гегелевской «Логики» – только подготовка, чтобы в конце концов могла быть во всей смысловой полноте произнесена фраза: «Идея есть абсолют». На первый взгляд бессодержательная, эта фраза, тем не менее, несёт в себе неисчерпаемые глубины смысла. Если мыслить как подобает, все заключённые в ней сокровища открываются разом, и вся громада мироздания высвечивается у нас перед глазами. Эту полноту озарения я и называю пониманием. Та или иная формула, даже все испробованные формулы могут оказаться ошибочными. Но из развалин философии как доктрины непобедимо возрождается философия как устремление, как порыв.

Сексуальное наслаждение состоит в мгновенной разрядке нервной энергии. Эстетическое наслаждение – в мгновенной разрядке пробуждённых, но сдерживаемых эмоций. Точно так же философия – это мгновенная разрядка интеллектуальных сил.

На страницах нижеследующих «Размышлений», не отягощённых эрудицией (даже в лучшем смысле этого слова), мной движет неудовлетворённость философа. И тем не менее я буду признателен, если читатель не станет возлагать на мои опыты излишних надежд. Перед ним не философия в смысле науки. Перед ним просто эссе. Эссе – то же познание, но за вычетом развёрнутого доказательства. И дело интеллектуальной чести автора – не писать в таком случае ничего, требующего доказательств, если их у него нет. Наоборот, он имеет полное право стереть в им написанном самомалейшие следы аподиктичности, лишь косвенно указав на возможные подтверждения своей мысли, с тем чтобы желающий мог подобрать их сам, а с другой стороны – чтобы не утерять по пути к читателю того внутреннего жара, без которого вообще не бывает никакой мысли. Ведь сегодня даже книги, явно научные по замыслу, уже стараются писать, смягчая назидательность, а добиваясь краткости и удобства, по возможности обходясь без постраничных примечаний и топя жёсткий механический каркас доказательства в более живом, подвижном и личном высказывании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.